

Говори

Автор:

[Лори Андерсон](#)

Говори

Лори Хальс Андерсон

На школьной вечеринке по поводу окончания летних каникул пятнадцатилетняя Мелинда вызвала полицейских, но сбежала до приезда копов, ничего и никому не объяснив. Поэтому учебный год начался для нее ужасно. Друзья отвернулись от девушки. В школе никто с ней не общается. Она – изгой, пария. И постепенно сама Мелинда перестает разговаривать не только в школе, но и дома. Сможет ли девушка рассказать о том, что действительно произошло на вечеринке? Сможет ли она дать отпор тому, кто обидел ее и кого она считает чудовищем? Удастся ли Мелинде преодолеть свои страхи и начать говорить?..

Вот уже пятнадцать лет книга пользуется неизменным успехом у читателей. Критики назвали ее «захватывающей и великолепной». Роман «Говори» переведен на 16 языков, по нему был снят одноименный фильм с Кристен Стюарт в главной роли. Про изведение Лори Хальс Андерсон можно по праву поставить в один ряд с такой великой книгой, как «Над пропастью во ржи».

Впервые на русском языке!

Лори Хальс Андерсон

Говори

Посвящается Сэнди Бернштейн, помогшей мне обрести голос, а также моему мужу Грегу, который слушает

Copyright © 1999 by Laurie Halse Anderson

© О. Александрова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Потрясающий роман о подростке. Метаморфоза героини тронет и вдохновит читателя.

Publishers Weekly

Героиня рассказывает о своем прошлом и настоящем с горькой иронией. Ее саркастический взгляд на вещи, честность, смелость и ее победа в финале запомнятся надолго.

Booklist

Захватывающий сюжет словно сошел с первых газетных полос. Эта книга берет в плен и не отпускает.

Kirkus Reviews

* * *

Дорогие друзья!

Двенадцать лет? Неужели роман «Говори» был опубликован двенадцать лет назад?

Просто невероятно!

Конечно, после выхода книги я успела вырастить четверых детей. И три раза сменить местожительство. И написать шесть романов. И у меня на лице появились новые морщины, а спина с годами слегка заостенела. Но двенадцать лет? Не может быть!

Этого просто не может быть, потому что в глубине души я чувствую себя четырнадцатилетней. Я прекрасно помню, как меня мучили те же страхи, что и Мелинду. И я даже испытала натуральный шок, когда посмотрела на указанный в моих водительских правах год рождения. Помню и волнение, и тревогу, и смущение. Помню, каково это, когда тебе затыкают рот.

Так же, как и многие из вас.

За прошедшее десятилетие о своем романе я поговорила более чем с полумиллионом старшеклассников. И потеряла счет прочитанным письмам. А сколько слез было пролито у меня на груди теми, кто узнал себя в моей Мелинде! Вы изголодались по возможности говорить. И вам просто нужны взрослые, которые были бы готовы вас выслушать.

И мне хочется верить, что роман «Говори» в какой-то степени помогает вам обрести свой собственный голос. Но моя книга – это всего-навсего инструмент. Настоящие герои – те из вас, кто смог заглянуть в свою душу, преодолев страх, стыд, депрессию, ярость, и найти в себе смелость рассказать свою историю. И я вас всех за это глубоко уважаю.

В своей книге «Сердце женщины» Майя Анджелоу писала: «Если вам повезет, то одна-единственная фантазия может в корне изменить миллион реальностей».

Мне чрезвычайно повезло. Эта книга помогла целому поколению читателей сделать несколько шагов вперед по долгой дороге во взрослую жизнь. А вы, в свою очередь, помогаете мне на моем пути. Я счастливица.

И пусть у всех у вас хватит смелости, чтобы говорить.

Слушайте

Вы пишете нам

из Хьюстона, Бруклина, Пеории, Рая, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, округа Колумбия, со всей территории США на мой почтовый ящик,

Мой Space Face

Book

Живой журнал шепотов лучших друзей,

Сто тысяч доверительных шепотов Мелинде и

Мне.

Вы:

Меня тоже изнасиловали

я подверглась сексуальному нападению в седьмом классе,

в десятом классе, летом после выпуска,

на вечеринке

мне было 16

мне было 14

мне было 5, и он делал это в течение трех лет

я любила его

я даже не знала его.

Он был братом моей лучшей подруги,

моим дедушкой, отцом, маминым бойфрендом,

моим парнем

моим двоюродным братом

моим тренером

в тот вечер мы впервые встретились и...

четыре парня делали это по очереди, и...

я мальчик, но это случилось и со мной, и...

...Я забеременела и отдала свою дочь приемным родителям...

С вами такое тоже случалось?

А с вами?

Вы:

Меня не изнасиловали, но

мой папа пьет, но

я ненавижу говорить, но

моего брата застрелили, но

я изгой, но

мои родители разошлись, но

я не принадлежу ни к какой группировке, но

мы потеряли наш дом, но

у меня есть секреты, которые я храню вот уже семь лет,

и я режу

себя мои друзья режут себя

мы все режем режем режем

чтобы избавиться от душевной боли

...мой пятилетний двоюродный брат подвергся сексуальному насилию, и теперь он начинает вести себя агрессивно...

у вас были мысли о самоубийстве?

вы хотели его убить?

Вы:

Мелинда очень похожа на одну мою знакомую девочку

Нет, она очень похожа на

(меня)

я МелиндаСара

я МелиндаРоджелио я МелиндаМеган,

МелиндаЭмберМелиндаСтивенТориФиллипНавдияТьяра-МатеоКристинаБет

это продолжает мучить меня, но

но

но

но

эта книжка пробила мой защитный панцирь

это продолжает мучить меня я мучаюсь, но

но ваша книжка пробила мой защитный панцирь.

Вы:

Я плакала, когда читала это.

Я смеялась, когда читала это

глупо, да?

Я села рядом с такой девочкой...

ну, сами знаете, с такой девочкой...

я села рядом с ней потому что никто не хочет сидеть с ней за ланчем

и я чирлидер, такие дела.

«говори» изменила мою жизнь

пробила мой защитный панцирь

заставила задуматься

о вечеринках

дала мне

крылья эта книга

сняла печать молчания с моего рта

я шептала, плакала

засучила рукава я

ненавижу говорить но

я пытаюсь.

Вы помогли мне вспомнить, кто я есть.

Спасибо.

P. S. Наш класс собирается теперь анализировать эту штуку до скончания века.

Я:

Я:

Я: плачу.

За исключением первых и последних строф, эта поэма основана на строчках и словах из многих тысяч писем и имейлов, которые Лори получила за последние двенадцать лет.

Первая четверть

Добро пожаловать в среднюю школу «Мерриуэзер»

Сегодня мое первое утро в старших классах средней школы. У меня семь новых тетрадей, юбка, которую я ненавижу, и жуткие спазмы в животе.

Школьный автобус пыхтит мне навстречу. Двери открываются, и я вхожу внутрь. Сегодня я первый пассажир. Шофер отъезжает от тротуара, а я стою в проходе. Где мне сесть? Я не настолько убогая, чтобы сидеть на заднем сиденье. Если я устроюсь в середине, рядом со мной может сесть абсолютно посторонний человек. А если я займу место впереди, то буду похожа на маленькую девочку; правда, это единственный шанс поймать взгляд кого-нибудь из своих друзей, если хоть кто-то из них все же захочет со мной поговорить.

Автобус подбирает учеников группами по четыре-пять человек. Шествуя по проходу, ребята, которые в средних классах были моими напарниками на лабораторных занятиях или подружками на уроках физкультуры, бросают на меня гневные взоры. Я закрываю глаза. Именно этого я больше всего и боялась.

Когда автобус отъезжает от последней остановки, я единственная, кто сидит в одиночестве.

Шофер включает пониженную передачу, чтобы перетащить автобус через холмы. Мотор чихает и кашляет, парни на заднем сиденье выкрикивают непристойности. Кто-то явно переборщил с одеколоном. Я пытаюсь открыть окно, но задвижки не поддаются. Парень за моей спиной разворачивает завтрак и пуляет оберткой в мой затылок. Обертка падает мне на колени – ха-ха-ха!

Мы проезжаем мимо рабочих, перекрашивающих знак перед нашей средней школой. Школьный совет решил, что надпись «Средняя школа „Мерриуэзер“ – дом для Спартанцев» дает недостаточно сильный нравственный посыл, поэтому они переименовали нас в Синих Дьяволов. Словом, не так страшен черт, как его малюют. Правда, школьными цветами по-прежнему будут фиолетовый и серый. Школьный совет не расщедрился на новую форму. Старшеклассникам разрешают до звонка болтаться в коридоре, но девятиклассников сразу сгоняют в класс. Мы все делимся на группировки, или кланы: Качки, Сельские клабберы, Ботаники, Чирлидеры, Отбросы общества, Евротрэш, Будущие американские фашисты, Гламурные чиксы, Марты, или Домохозяйки, Страждущие художники, Трагики, Готы, Шредеры. Я не принадлежу ни к одной из группировок. Последние недели августа я провела за просмотром плохих мультфильмов. Я не ходила в магазин, на озеро или в бассейн, не отвечала на телефонные звонки. И вот теперь я еду в школу с неправильной прической, в неправильной одежде, с неправильным отношением к жизни. И никто не хочет сидеть со мной рядом.

Я – Изгой.

Высматривать своих бывших подружек – абсолютно бессмысленное занятие. Наша группировка – Простушки – распалась, и ее бывших членов переманили к себе конкуренты. Николь тусуется с Качками и теперь хвастается боевыми шрамами после летних спортивных соревнований. Айви блуждает между Страждущими художниками и Трагиками. Ее индивидуальность позволяет ей усидеть одновременно на двух стульях. Джессика переехала в Неваду. Невелика потеря. Так или иначе, но она дружила в основном с Айви.

Парни за моей спиной громко гогочут, и я знаю, что смеются они надо мной. Ничего не могу с собой поделаться. Я поворачиваюсь. И вижу Рейчел в окружении ребят, одетых явно не из магазина ширпотреба. Рейчел Бруин, моя бывшая лучшая подруга. Она смотрит куда-то вдаль поверх моего левого уха. Слова

застревают у меня в горле. Девочка, которая мучилась вместе со мной в младшей группе скаутов, которая научила меня плавать, которая все понимала про моих родителей, которая никогда не высмеивала мою спальню. Если в целом мире и есть кто-то, кому я до смерти хочу рассказать, что на самом деле произошло, так это Рейчел. У меня сжимает горло.

На секунду наши глаза встречаются. «Ненавижу тебя», – беззвучно произносит она. Поворачивается ко мне спиной и присоединяется к дружному ржанию. Я закусываю губу. Я не собираюсь об этом думать. Гнусная история, но она в прошлом, и я не собираюсь об этом думать. Губа начинает слегка кровоточить. Во рту появляется металлический привкус. Мне необходимо срочно сесть.

В классе я стою в середине прохода – раненая зебра из специального выпуска «Нэшнл джиографик», – выискивая взглядом хоть кого-то, хоть кого-нибудь, кто согласился бы сесть со мной рядом. Приближается хищник: спортивный седой «ежик», свисток на толстой по сравнению с головой шее. Возможно, это учитель обществознания, приглашенный на должность тренера в кровавом спорте.

Мистер Шея: Садись.

И я быстро сажусь на место. Еще одна раненая зебра с улыбкой поворачивается ко мне. У нее брекетов не меньше чем на пять штук баксов, но классные туфли. «Я Хизер из Огайо, – говорит она. – Я новенькая. А ты?» Но времени, чтобы ответить, уже нет. Свет тускнеет, и начинается промывка мозгов.

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ЛЖИВЫХ ИСТИН, КОТОРЫЕ ВАМ ВНУШАЮТ В СТАРШИХ КЛАССАХ

1. Мы здесь, чтобы помочь вам.
2. У вас будет достаточно времени, чтобы успеть в класс до звонка.
3. Соблюдение дресс-кода обязательно.
4. Курить на территории школы строго запрещено.

5. В этом году наша футбольная команда станет победителем чемпионата.

6. Мы ожидаем от вас высоких показателей.

7. Школьные психологи всегда готовы выслушать вас.

8. Расписание занятий составлено с учетом ваших потребностей.

9. Код замка вашего шкафчика известен только вам.

10. Эти годы вы будете вспоминать со слезами умиления на глазах.

Мой первый урок – биология. Я не могу с ходу найти кабинет и получаю первое замечание за то, что брожу по коридору. Сейчас 8.50. Всего-навсего 699 дней и 7 академических часов до окончания школы.

Наши учителя – лучшие из лучших

Моя учительница английского ужасно безлика. Нечесанные патлы до плеч. И вообще, волосы до мочки ушей черные, а вьющиеся кончики – ядовито-рыжие. Непонятно, то ли она расплевалась со своей парикмахершей, то ли постепенно превращается в бабочку-монарха. Я зову ее Лахудрой.

Лахудра битых двадцать минут пытается привлечь к себе внимание, и все впустую, потому что она решительно не хочет на нас смотреть. Она склоняется над столом, волосы падают ей на лицо. Остаток урока она что-то пишет на доске и до опупения твердит насчет обязательного чтения. Она хочет, чтобы мы вели на ее уроках дневник и каждый день делали записи, но обещала их не читать. Я пишу о том, какая она странная.

На занятиях по обществознанию мы тоже ведем дневник. Наша школа, похоже, сумела закупить дневники по дешевке. И вот уже в девятый раз за девять лет мы изучаем историю Америки. Еще одна проверка умения работать с картой; неделя отведена на коренных жителей Америки, занятия, посвященные Христофору Колумбу, приурочены ко Дню Колумба, а рассказ о первых переселенцах – ко Дню благодарения. Каждый год нас заверяют, что мы вот-вот

начнем изучать современную историю, но мы всегда застреваем на промышленной революции. Вторую мировую войну мы проходили в седьмом классе – кто бы мог подумать, что весь мир воевал?! Нам нужно больше каникул, чтобы учителя обществознания не теряли нюх.

Мой учитель обществознания – мистер Шея, тот самый парень, что нарычал на меня и велел сесть на место. Похоже, он положил на меня глаз: «Я буду наблюдать за тобой. Передний ряд».

Что ж, я тоже рада вас снова видеть. Спорим, он страдает посттравматическим синдромом. Наверное, Вьетнам или Ирак – одна из этих телевизионных войн.

В центре внимания

После урока обществознания я нахожу свой шкафчик. Замок слегка заедает, но мне удастся его открыть. Потом я ныряю в толпу учеников, отправляющихся после третьего урока на ланч, и общий поток несет меня в сторону школьной столовой.

Я уже достаточно подкована, чтобы не брать с собой завтрак в первый день занятий. Ведь невозможно предсказать, какая упаковка будет считаться уместной. Коричневый бумажный пакет – это что, скромное свидетельство принадлежности к обитателям пригорода или же завершающий штрих экипировки лохов? Специальные сумки для завтраков – это что, идеальный способ защитить планету или же свидетельство наличия у тебя сверхзаботливой мамы? Единственное верное решение – купить что-нибудь готовое. Итак, у меня достаточно времени, чтобы поискать в школьной столовой хоть одно дружелюбное лицо или укромный уголок.

На горячий завтрак сегодня дают индейку и порошковое картофельное пюре с подливкой, мокрый зеленый овощ и булочку. Я толком не знаю, как заказать что-то другое, поэтому просто тупо передвигаю поднос, позволяя кухонным дармоедам заполнять его. Стоящий передо мной старшеклассник ростом под восемь футов умудряется получить чизбургеры, картофель фри и два шоколадных кекса, и это притом, что он не произносит ни слова. Возможно, что-то по типу азбуки Морзе, только глазами. Вслед за Жердеем я прохожу в обеденный зал.

Я вижу парочку друзей – ребят, которых некогда считала друзьями, – но все они отводят взгляд. Соображай быстрее, соображай быстрее. Вон у окна сидит с книжкой та новенькая, Хизер. Я могла бы сесть напротив. Или незаметно проползти по-пластунски мимо мусорного бачка. Или, быть может, отправить свой ланч напрямик в этот самый бачок и двинуться к выходу.

Жердяй машет сидящим за столом друзьям. Естественно. Баскетбольная команда. Они осыпают его проклятиями – эдакое затейливое приветствие, распространенное в среде прыщавых спортсменов-молокососов. Он улыбается и пуляет в них кексом. Я пытаюсь поспешно пробежать мимо.

Плюх! Ком картофельного пюре с подливкой шмякается мне на грудь. Шум в обеденном зале разом стихает, все плятятся на меня, а я стою красная как рак. Теперь меня навсегда запомнят, как «ту девчонку, которую припечатали картофельным пюре». Жердяй дико извиняется и еще что-то там говорит, но четыреста человек в зале гогочут во все горло, а я не умею читать по губам.

Я так быстро выкатываюсь в коридор, что, оказавшись поблизости тренер по легкой атлетике, он непременно принял бы меня в свою команду. Но нет, сегодня дежурный по столовой – мистер Шея. А мистериу Шее абсолютно без надобности девочки, способные пробежать стометровку за десять секунд, если только они не пытаются поймать футбольный мяч.

Мистер Шея: Вот мы снова и встретились.

Я:

Стал бы он слушать мои: «Мне срочно надо домой, чтобы переодеться» или «Вы видели, что сделал этот придурок?». Никогда. Я плотно сжимаю губы.

Мистер Шея: И куда это ты так торопишься?

Я:

Проще вообще ничего не говорить. Закрывать варежку, держать язык за зубами, вот так-то. Все то дерьмо, что вы слышите по телику насчет необходимости общаться и выражать свои чувства, – беспардонное вранье. На самом деле никто

не хочет вас слушать.

Мистер Шея что-то записывает в записной книжке: «Я с первого взгляда понял, что с тобой будут проблемы. Я преподаю в этой школе двадцать четыре года и по вашим глазам вижу, что там у вас на уме. Больше никаких предупреждений. Ты и так заработала замечание за то, что без разрешения шлялась по коридорам».

Убежище

Перерыв на ланч заканчивается, начинаются занятия в художественном классе. Дивный сон приходит на смену кошмару. Классная комната, с выходящими на юг широкими окнами, расположена в дальнем конце здания. В Сиракьюсе солнце – редкий гость, поэтому комната спроектирована так, чтобы воспользоваться скуными солнечными лучами по максимуму. И здесь вечно царит творческий беспорядок. Пол усеян пятнами засохшей краски, стены украшены рисунками с изображением страдающих подростков и упитанных щенков, полки заставлены глиняными горшками. Радио настроено на мою любимую станцию.

Мистер Фримен на редкость уродлив. Со своим туловищем как у гигантского кузнечика он точь-в-точь циркач на ходулях. Похожий на кредитку нос вдавлен между щеками. Но когда мы толпой вваливаемся в комнату, мистер Фримен всегда нам улыбается.

Он сидит, склонившись над горшком на гончарном круге, руки в красной глине. «Добро пожаловать в единственный класс, где вы получите урок выживания, – говорит он. – Добро пожаловать на встречу с Искусством».

Я занимаю ближайший к учителю стол. Айви тоже в этом классе. Она садится у двери. Я не отрываю от нее взгляда в надежде, что она поднимет на меня глаза. Так всегда бывает в кино: человек чувствует, что на него смотрят, и ему остается лишь повернуть голову и что-то сказать. Но то ли у Айви слишком сильное защитное поле, то ли у меня слишком слабые телепатические способности. Она категорически отказывается на меня смотреть. Жаль, что я не могу сесть рядом с ней. Она разбирается в искусстве.

Мистер Фримен останавливает гончарный круг и, даже не вымыв рук, хватается кусок мела. «ДУША» – пишет он на доске. Прожилки красной глины на белых буквах похожи на запекшуюся кровь. «Вот где вы сможете найти свою душу, если у вас хватит смелости. И где вы сможете прикоснуться к чему-то такому внутри себя, о чем до настоящего времени не осмеливались даже задумываться. И не стоит просить, чтобы я показал, как правильно рисовать лицо. Лучше попросите помочь вам уловить дыхание жизни».

Я осторожно оглядываюсь. Брови удивленно подняты. Мимический телеграф уже вовсю работает. Этот парень какой-то чудной. Он должен видеть, он должен знать, о чем мы думаем. Он продолжает свою речь. Он говорит, что мы закончим школу, умея читать и писать, так как потратили миллион часов на то, чтобы научиться читать и писать. (Здесь я осмелюсь не согласиться.)

Мистер Фримен: Тогда почему бы не потратить это время на искусство: лепку и рисование углем, пастелью, маслом? Неужели слова и цифры важнее образов? Кто так решил? Неужели алгебра способна растрогать вас до слез? (Кое-кто тянет вверх руку, полагая, будто он ждет ответа.) И может ли притяжательное местоимение во множественном числе выразить ваши чувства? Если вы сейчас не научитесь понимать, что такое искусство, то никогда не научитесь дышать полной грудью!!!

Более того. На тех, кто сомневается в справедливости его слов, он обрушивает целый поток из них. Я на время выключаюсь и возвращаюсь в реальность как раз в тот момент, когда мистер Фримен поднимает огромный глобус, в котором не хватает половины Северного полушария. «Кто-нибудь может сказать, что это такое?» – спрашивает он. «Глобус?» – слышится чей-то нерешительный голос с заднего ряда. Мистер Фримен делает большие глаза. «Может, это дорогушая скульптура, разбитая каким-то бедолагой, которому пришлось заплатить за нее из собственных денег, так как иначе его не допустили бы к выпускным экзаменам?» – выдвигает смелую версию кто-то другой.

Мистер Фримен вздыхает: «Ни капли воображения. Вам сейчас сколько, тринадцать лет? Четырнадцать? И вы уже позволили напрочь выбить из себя всю креативность! Это просто-напросто старый глобус, который я разрешил дочери пинать и катать по моей мастерской, когда из-за дождя ей приходилось сидеть дома. И вот в один прекрасный день Дженни поставила ногу прямо на штат Техас – и Соединенные Штаты ушли под воду. И надо же – гениальная идея! Сей сломанный мяч можно использовать по максимуму, включив игру

воображения. Вы можете нарисовать, как из этой дыры вылезают люди, а их собачонка с мокрой мордой грызет, например, Аляску. Словом, безграничные возможности. Это, конечно, перебор, и тем не менее вы должны дерзать». Что-что?

«Вы все достанете из дыры по бумажке. (Он расхаживает по классу, чтобы дать нам возможность вытащить из центра Земли по клочку красной бумаги.) На бумажке вы найдете только одно слово: название предмета. Надеюсь, вам понравится. И потом до конца года будете учиться тому, как превратить данный предмет в произведение искусства. Вы будете лепить его. Рисовать его, клеить из папье-маше, вырезать. И если в этом учебном году преподаватель информатики все еще будет со мной разговаривать, то вы сможете сделать в компьютерном классе дизайн-проект. Но здесь есть одна засада: к концу года вы должны понять, как научить свой предмет выражать определенные чувства, как заставить его говорить с каждым, кто на него посмотрит».

По классу проносится дружный стон. У меня начинает сосать под ложечкой. Неужели он действительно позволит нам это сделать? Может, прикол такой? Он останавливается у моего стола. Я сую руку в недра глобуса и выуживаю свою бумажку. «Дерево». Дерево? Слишком просто. Я научилась рисовать дерево еще во втором классе. Я тянусь за другой бумажкой. Мистер Фримен качает головой. «Ах-ах-ах, – говорит он. – Ты только что выбрала свою судьбу и не можешь ее изменить».

Он достает из-под гончарного круга ведерко с глиной, лепит шарики размером с кулак и бросает каждому из нас. Затем включает погромче радио и со смехом говорит: «Добро пожаловать в мир приключений».

Испанский

Моя учительница испанского собирается попробовать до конца учебного года обойтись на своих уроках без английских слов. Это не только забавно, но и весьма полезно: так нам гораздо проще игнорировать ее. Она общается с нами с помощью утрированных жестов и лицедейства. У нас не урок, а игра в шарады. Она произносит по-испански какую-то фразу и прижимает руку ко лбу. «У вас жар!» – выкрикивает кто-то из класса. Она качает головой и повторяет жест. «Вам дурно!» Нет. Она выходит в коридор, а затем с деловым видом вихрем врывается в класс. Поворачивается к нам, изображает крайнее удивление, а

затем снова прикладывает тыльную сторону ладони ко лбу. «Вы заблудились!» «Вы сердитесь!» «Вы ошиблись школой!» «Вы ошиблись страной!» «Вы ошиблись планетой!»

Она делает вторую попытку и с такой силой хлопает себя по лбу, что даже слегка покачивается. На лбу остается красное пятно под цвет ее губной помады. Игра в угадки продолжается. «Вы не в силах поверить, что в нашем классе столько ребят!» «Вы разучились говорить по-испански!» «У вас мигрень!» «У вас наверняка начнется мигрень, если мы не найдем правильного ответа!»

В отчаянии она пишет на доске предложение на испанском: *Me sorprende que estoy tan cansada hoy*. Никто не в курсе, что это означает. Мы не знаем испанского – вот почему мы здесь. Наконец самый смекалистый достает испано-английский словарь. Остаток урока мы проводим, пытаюсь перевести предложение. Когда звенит звонок, единственное, что у нас получается, это: «Закончить день, чтобы удивить».

Дом. Работа

В первые две недели занятий мне удастся избежать ядерной катастрофы. Хизер из Огайо сидит со мной за ланчем и звонит домой обсудить домашнее задание по английскому. Она может говорить часами. Мне остается только прижимать телефон к уху и, раскручивая телефонный провод, время от времени вставляя «угу». Рейчел и все, кого я знала больше девяти лет, продолжают меня игнорировать. В школьных коридорах я то и дело получаю тумачи. В результате я пару раз роняла на пол учебники. Я стараюсь на этом не заикливаться. Ладно, как-нибудь образуются.

Поначалу мама старательно готовила по утрам обеды, которые оставляла в холодильнике, но я знала, что все хорошее когда-нибудь, да кончается. Я возвращаюсь домой, где меня ждет записка: «Пицца. 555-4892. Не переусердствуй с чаевыми». К записке пришпилена двадцатидолларовая бумажка. В моей семье имеется добрая традиция. Мы общаемся с помощью записок, оставленных на кухонном столе. Я пишу, когда мне надо купить школьные принадлежности или съездить в торговый центр. Они пишут, когда вернутся с работы домой и надо ли к их приходу что-нибудь разморозить. Ну и о чем тогда говорить?

У мамы опять проблемы с персоналом. Моя мама – директор «Эффертса», магазина одежды в деловой части города. Ее босс предложил ей возглавить отдел в торговом центре, но она отказалась. Полагаю, ей просто нравится видеть реакцию людей, когда она говорит, что работает в городе. «А вам не страшно? – спрашивают ее собеседники. – Я ни за какие коврижки не согласился бы там работать». Маме нравится делать то, что вызывает страх у других. Она вполне могла бы стать укротительницей змей.

Но из-за центрального местоположения магазина возникают проблемы с кадрами. Магазинные воришки, бомжи, писающие на парадную дверь, а также периодические вооруженные ограбления – все это отпугивает соискателей. Ну и дела! Еще только вторая неделя сентября, а она уже думает о Рождестве. Ее голова сейчас занята пластиковыми снежинками и Сантами в нарядах из красного фетра. Если в сентябре она не сумеет укомплектовать штат сотрудников, то на праздники окажется в полной заднице.

Я заказываю обед в 15.10 и съедаю его на белом диване. Уж не знаю, у кого из моих предков случился приступ куриной слепоты, когда покупали этот диван. Вся штука в том, что, если хочешь есть на диване, надо перевернуть подушки грязной стороной вверх. У нашего дивана две ипостаси: «Мелинда поглощает пиццу с пепперони и грибами» и «Никто и никогда не ест в гостиной, нет, мэм». Я жую и смотрю телик, но внезапно слышу, как к дому подъезжает папин джип. Бац-бац-бац – перевернутые подушки сияют белоснежными щечками, а я пулей лечу на второй этаж. К тому времени как папа откроет дверь, все будет в лучшем виде, а я исчезну.

Моя комната принадлежит пришельцу. Она словно красочное фото той, кем я была в пятом классе. У меня тогда случился период временного помешательства: я считала, что розы должны быть повсюду, а розовый цвет – это грандиозно. И виной тому Рейчел. Она упростила маму разрешить ей переделать свою спальню, а в результате мы обе получили по новой комнате. Николь отказалась украшать свой прикроватный столик дурацкими оборочками, а Айви слегка переусердствовала, как всегда. Джессика решила свою комнату в стиле Дикого Запада. А я со своей спальней застряла где-то посередине, позаимствовав идеи у каждой из подруг. Единственное, что носило здесь печать моей личности, – это оставшаяся со времен детства коллекция плюшевых кроликов и кровать с балдахином. Несмотря на все издевки Николь, я наотрез отказалась убрать балдахин. Я подумываю о том, чтобы сменить обои в розочках, но тогда придется задействовать маму, а папа начнет измерять стены,

и они будут спорить насчет цвета краски. И вообще, я сама еще толком не знаю, какой бы хотела видеть свою комнату.

Домашнее задание не вариант. Кровать посылает сигналы, что не мешало бы немного вздремнуть. Ничего не могу с собой поделаться. Мягкие подушки и теплое одеяло – нет, это сильнее меня. Я сдаюсь и ныряю под одеяло.

Я слышу, как папа включает телевизор. Дзинь-дзинь-дзинь – он бросает кубики льда в стакан с толстым дном и наливает туда выпивку. Открывает микроволновку – похоже, собирается разогреть пиццу – и включает таймер. Я делаю радио погромче – сообщить, что я дома. Но я не собираюсь спать по-настоящему. Нет, я останавливаюсь где-то на полпути к полноценному сну. В таком состоянии я могу пребывать часами. Мне даже нет нужды закрывать глаза – надо просто оставаться под надежной защитой одеяла и дышать.

Папа врубает телевизор на полную громкость. Слышатся завывания ведущего программы новостей: «Пять человек погибли во время пожара! Нападение на молодую девушку! Подростков подозревают в вооруженном ограблении бензоколонки!» Я прикусываю засохшую болячку на нижней губе. Папа переключает каналы, снова и снова просматривая все те же сюжеты.

Я смотрю на себя в зеркало на противоположной стене. Уф! Волосы практически скрыты одеялом. Я изучаю очертания лица. Интересно, а можно поместить это лицо на мое дерево, чтобы оно выглядывало из листвы, как у дриад из греческих мифов? Две мутные кляксы глаз под черными галочками бровей, пороссячий пяточок вместо носа, а вместо рта – какой-то изжеванный ужас. Нет, на дриаду определенно не тянет. Я кусаю губы и не могу остановиться. Такое чувство, будто мой рот принадлежит кому-то другому, кому-то, кого я даже не знаю.

Я встаю с кровати и снимаю со стены зеркало. И кладу его в шкаф, лицевой стороной к задней стенке.

Наш бесстрашный руководитель

Я прячусь в туалете, жду, когда очистится горизонт. Выглядываю из-за двери. Директор школы, Самый Главный, находит в коридоре другого праздношатающегося ученика.

Самый Главный: Мистер, где ваш пропуск на занятия?

Праздношатающийся: Я как раз за ним иду.

С. Г.: Но вы не имеете права находиться в коридоре без пропуска.

П. Ш.: Я знаю и ужасно расстроен. Поэтому мне надо поторопиться, чтобы успеть получить пропуск.

Директор школы делает длинную паузу. Выражение лица у него точь-в-точь как у Даффи Дака, когда тот наконец понимает, что Багс явно плурует.

С. Г.: Ну, тогда поторопитесь и поскорей получите пропуск.

Праздношатающийся ученик, улыбаясь и размахивая руками, рысью бежит по коридору. Директор школы, проигрывая в уме весь разговор, дабы понять, где тут засада, направляется в другую сторону. Я смеюсь. Все ясно как божий день.

Суетливые занятия

Физкультуру следует запретить. Как унижающую достоинство человека.

В раздевалке мой шкафчик ближайший к двери, значит переодеваться придется в душевой кабинке. У Хизер из Огайо соседний шкафчик. Она носит спортивную форму прямо под обычной одеждой. А после физкультуры снимает шорты, но остается в короткой маечке. И я начинаю волноваться за девчонок из Огайо. Неужели им всем приходится носить нижнее белье?

Единственная девочка, которую я еще здесь знаю, – это Николь. Когда-то мы входили в одну группировку, но особой близости между нами не наблюдалось. В начале учебного года она явно собралась было что-то сказать мне, но прикусила язык и принялась перешнуровывать свои «найки». У Николь вместительный шкафчик в укромном уголке, где пахнет свежестью, потому что она член футбольной команды. И она не стесняется переодеваться на людях. Она даже меняет лифчики, поскольку один спортивный лифчик она носит под нормальной одеждой, а второй надевает на урок физкультуры. Никогда не краснеет, стыдливо не отворачивается – просто переодевается, и все. Наверное,

спортсменам это свойственно. Если ты весь из себя такой накачанный, тебе наплевать, что будут говорить о твоих сиськах или о твоей заднице.

Уже конец сентября, и у нас начинаются тренировки по хоккею на траве. Хоккей на траве – грязный вид спорта, которым занимаются только в промозглые облачные дни, когда того и гляди пойдет снег. И кто только это придумал? Но Николь остановить невозможно. Она несется по полю на крейсерской скорости, оставляя за собой шлейф жидкой грязи, омывающей всех, кто встает на ее пути. Николь делает незаметное движение запястьем – и мяч летит в цель. Она улыбается и трусцой возвращается в центральный круг.

Там, где задействованы мяч и свисток, Николь нет равных. Баскетбол, софтбол, лакросс, американский футбол, просто футбол, регби. Что угодно. И глядя на нее, кажется, что все легко и просто. Парни специально приходят посмотреть на Николь, чтобы научиться играть лучше. Она просто прелесть, но ей даже не хочется завидовать. Этим летом она сломала зуб в каком-то спортивном лагере. И только стала еще привлекательнее.

Учителя физкультуры питают к Николь особую слабость. Она демонстрирует Потенциал. Они смотрят на нее и видят будущие чемпионаты штата. Ставки растут. Однажды она успела забить тридцать пять голов, прежде чем моя команда пригрозила, что покинет поле. Тогда физрук сделал ее судьей. Моя команда проиграла, а четверем девочкам, получившим травмы, пришлось отправиться в медпункт. Такого понятия, как «нарушение правил», для нее не существует. Из спортшколы она вынесла девиз: «Настоящего игрока может остановить только смерть или увечье».

И все бы ничего, если бы не ее поведение. И вонючий шкафчик, и Хизер, порхающую вокруг меня, точно белая моль, и необходимость холодным утром, по уши в грязи, созерцать Николь, Принцессу Воинов, а также выслушивать похвалы тренеров в ее адрес – все это я могла бы пережить и двигаться дальше. Но Николь такая дружелюбная. Она даже разговаривает с Хизер из Огайо. Она сообщила Хизер, где можно приобрести загубник, чтобы не поранить губы о брекеты, если в нее случайно угодят мячом. Хизер теперь хочет купить спортивный лифчик. Николь вовсе не сука. В противном случае мне было бы гораздо легче ненавидеть ее.

Друзья

Рейчел со мной в туалете. А теперь отредактируем это. Рашель со мной в туалете. Она изменила имя. Рашель возвращается к своим европейским корням, тусуясь с учениками, приехавшими к нам по обмену. За пять недель, прошедших с начала занятий, она научилась ругаться по-французски. Она носит черные чулки со стрелками и не бреет подмышки. А когда она небрежно машет рукой, на ум невольно приходят молодые шимпанзе.

Поверить не могу, что когда-то она была моей лучшей подругой. В туалете я пытаюсь надеть обратно контактную линзу на правый глаз. Рашель тем временем размазывает тушь под глазами, чтобы иметь измученный и томный вид. Я начинаю подумывать о том, чтобы убраться подобру-поздорову из туалета, прежде чем Рашель снова обожжет меня злобным взглядом, но Лахудра, моя учительница английского, сегодня патрулирует коридор, а я забыла прийти на ее урок.

Я: Привет.

Рашель: Ммм...

Ну и что теперь? Я собираюсь оставаться абсолютно хладнокровной, будто ничего и не произошло. Думай о льде. Думай о снеге.

Я: Ну, как дела?

Я пытаюсь приладить контактную линзу и тычу пальцем прямо в глаз. Очень хладнокровно.

Рашель: Э-э-э...

Ей в глаз попадает тушь, и она размазывает ее по всему лицу.

Мне не хочется быть хладнокровной. Мне хочется схватить Рашель за шею и трясти и орать, чтобы она перестала смотреть на меня как на грязь под ногами. Она даже не потрудилась узнать правду – тогда что она за подруга? Контактная линза попадает под веко и складывается пополам. Правый глаз начинает слезиться.

Я: Ох!

Рашель (фыркает, отходит от зеркала, вертит головой, чтобы полюбоваться черным безобразием на скулах, чем-то напоминающим гусиные какашки): Pas mal.[1 - Ложный шаг (фр.). – Здесь и далее прим. перев.]

Она вставляет в рот сигарету-леденец. Рашель отчаянно хочется курить, но у нее астма. Это что-то Новенькое, о чем еще не слышали в нашем девятом классе. Сигареты-леденцы. Ученики, приехавшие по обмену, их любят. Что ж, ей остается только начать пить черный кофе и читать книжки без картинок.

Ученица по обмену спускает за собой воду и выходит из кабинки. Она похожа на супермодель по имени Грета или Ингрид. Неужели Америка – единственная страна с низкорослыми подростками? Грета-Ингрид говорит что-то на иностранном языке, и Рашель смеется. Типа, она все понимает.

Я:

Рашель пускает мне в лицо колечко сигаретно-леденцового дыма. Вроде как вычеркивает меня из своей жизни. Меня бросили, словно слишком горячий тост, на холодный кухонный пол. Рашель и Грета-Ингрид выплывают из туалета. Хоть бы кусок туалетной бумаги прилип к башмаку кого-нибудь из них! Так нет. Спрашивается, и где ж она, справедливость?!

Мне нужна новая подруга. Мне нужна новая подруга, на время. Не настоящая подруга, не настолько близкая, чтобы обмениваться шмотками или оставаться у нее ночевать, болтать и хихикать до одурения. Такая одноразовая якобы подруга. Подруга, как аксессуар. Чтобы я не чувствовала себя и не выглядела такой дурой.

Моя запись в дневнике за сегодняшний день: «Ученики, приезжающие по обмену, губят нашу страну».

Хизеринг

По дороге домой на автобусе, который обычно подвозит Хизер, она пытается подбить меня вступить в какой-нибудь клуб. У нее есть План. Она хочет, чтобы

мы вступили в пять клубов, по одному на каждый учебный день. Вся хитрость в том, чтобы выбрать клуб с Правильными людьми. О Латинском клубе не может быть и речи, так же как и о Боулинг-клубе. На самом деле Хизер нравится боулинг – он был важной частью жизни ее прежней школы, – но она видела наши дорожки для боулинга и может с уверенностью сказать, что ни один Правильный человек туда ни ногой.

Когда мы высаживаемся у дома Хизер, ее мамаша встречает нас прямо в дверях. Она спрашивает, как прошел день, как давно я живу в этом городе, а еще задает наводящие вопросы о моих родителях, чтобы уяснить для себя, гожусь ли я в подруги ее дочери. Я не против. По-моему, это даже мило, что она так печется о Хизер.

Мы не можем пойти в комнату Хизер, потому что там еще трудятся декораторы. Вооружившись миской оранжевого попкорна и диетической содовой, мы удаляемся в подвал. Декораторы закончили его первым. Никогда не скажешь, что это подвал. Ковровое покрытие тут лучше, чем у нас в гостиной. В углу сверкает громадный телевизор, здесь есть бильярдный стол и тренажеры. И даже не пахнет подвалом.

Хизер вскакивает на беговую дорожку и снова начинает планировать. Она еще не до конца разобралась в социальной жизни школы, но считает, что для начала вполне подойдут Интернациональный клуб и Элитный хор. Может, мы сумеем пройти пробы на роль в мюзикле. Я включаю телевизор и прикладываюсь к ее попкорну.

Хизер: Ну так что будем делать? В какой клуб хочешь вступить? Может, нам стоит стать наставниками в младших классах? (Она увеличивает скорость беговой дорожки.) А как насчет твоих прошлогодних друзей? Разве ты не знакома с Николь? Ведь она занимается этим своим спортом, да? А я вот никогда не была спортивной. Плохая координация. Так чем, по-твоему, нам стоит заняться?

Я: Ничем. Клубы – тоска зеленая. Попкорна хочешь?

Она включает тренажер на максимум и бежит со спринтерской скоростью. Тренажер так громко завывает, что я практически не слышу телевизора. Хизер наставляет на меня указующий перст. Нерешительность – самая

распространенная ошибка девятиклассников, говорит она. Я не должна позволять себя запугивать. Я должна принимать активное участие в школьной жизни. Так поступают все популярные люди. Она выключает беговую дорожку и вытирает лоб висящим рядом махровым полотенцем. Немного остыв, она соскакивает с тренажера. «Сто калорий! – ликует она. – Хочешь попробовать?»

Я вздрагиваю и протягиваю ей миску с попкорном. Но она тянет руку куда-то мимо меня и берет с кофейного столика фломастер со школьным фирменным пурпурным пушистым шариком на конце. «Мы должны строить планы, – торжественно произносит она, рисуя четыре квадратика, по одному на каждую четверть, затем в каждом квадратике пишет слово «ЦЕЛИ». – Мы ничего не добьемся, если не сумеем определить наши цели. Так все всегда говорят, и это сущая правда. – Она открывает содовую. – Мел, а ты какие ставишь перед собой цели?»

Когда-то я была такой же, как Хизер. Неужели я так сильно изменилась за два месяца? Она веселая, живая, подтянутая. У нее чудная мама и потрясающий телевизор. Но она похожа на собачку, которая так и норовит запрыгнуть вам на колени. Она вечно таскается за мной по школьным коридорам и трещит со скоростью миллион слов в минуту.

Моя цель – пойти домой и немного вздремнуть.

Нора

Вчера Лахудра выдернула меня с самостоятельных занятий и заставила делать «несданную» домашнюю работу в своем кабинете. Она озабоченно квохтала и даже намекнула на необходимость встречи с моими родителями. Что не есть хорошо. Никто не потрудился сообщить мне, что сегодня самостоятельные занятия состоятся в библиотеке. Когда мне наконец удастся это выяснить, занятия уже подходят к концу. Я пропала. Пытаюсь объяснить все библиотекарше, но заикаюсь и давлюсь словами.

Библиотекарша: Успокойся, успокойся. Ничего страшного. Не расстраивайся. Ты ведь Мелинда Сордино, так? Не волнуйся. Я отмечу, что ты присутствовала. Позволь объяснить тебе, что надо делать. Если ты думаешь, что можешь опоздать, просто попроси учителя выписать тебе разрешение на опоздание. Понимаешь? И не стоит плакать.

Она поднимает стопку зеленых бумажек – мой пропуск на-волю-из-этой-тюрьмы. Я улыбаюсь и пытаюсь выдать «спасибо», но ничего не могу сказать. Библиотекарша уверена, будто меня переполняют эмоции из-за того, что она не стала на меня наезжать. Что близко к действительности. Подремать мне уже не удастся, поэтому я набираю кипу книг, чтобы доставить ей удовольствие. Возможно, я даже прочту одну.

Но блестящая идея родилась у меня не там и не тогда. Она озаряет меня, когда мистер Шея выслеживает меня в школьной столовой с целью получить домашнюю работу на тему «Двадцать способов выживания ирокезов в лесах». Я делаю вид, что не вижу его. Я продираюсь сквозь очередь у раздаточного прилавка, огибаю самозабвенно лижущуюся в дверях парочку и припускаю по коридору. Мистер Шея останавливается, чтобы пресечь нарушение правил приличия. Я направляюсь в то крыло, где учатся старшекласники.

Я на чужой территории, Куда Не Ступала Нога Первогодка. Нет времени обращать внимание на устремленные на меня взгляды. Мистер Шея дышит мне в спину. Я заворачиваю за угол, открываю дверь и делаю шаг в темноту. Я держу дверную ручку, но мистер Шея до нее даже не дотрагивается. Я слышу, как его шаги постепенно стихают в конце коридора. Я шарю по стене рядом с дверью и нащупываю выключатель. Я не ввалилась в пустой класс; это старая подсобка уборщика, в которой воняет сырыми тряпками.

На задней стене встроенные полки, забитые пыльными учебниками и бутылками с моющим средством. Из-за штабеля веников и швабр выглядывают засаленное кресло и старомодный стол. Над раковиной, которая усеяна запутавшимися в паутине дохлыми тараканами, склонилось треснувшее зеркало. Краны настолько ржавые, что их невозможно повернуть. Похоже, уборщики уже давным-давно здесь не прохлаждаются. У них новая подсобка и кладовка рядом с грузовым отсеком. Его обходят стороной все наши девочки, чтобы на них лишний раз не пялились и не свистели им вслед. Эта подсобка заброшена – у нее нет ни названия, ни специального предназначения. Идеальное место для меня.

Я выкрадываю пачку разрешений на опоздание из стола Лахудры. Я чувствую себя лучше, гораздо лучше.

Изгнание дьяволами

Сбежать с алгебры меня вынуждает не столько стремление присутствовать на собрании для подъема духа перед соревнованиями, сколько желание навести порядок в моей подсобке. Я принесла из дому несколько губок. Если уж сачковать, то не по уши в грязи. А еще я хочу пронести контрабандой одеяло и ароматические смеси.

Мой план состоит в том, чтобы вместе со всей толпой пойти в сторону спортзала, а затем нырнуть в туалет и пересидеть там, пока горизонт не очистится. Прошмыгнуть мимо учителей – не вопрос, но я забыла учесть наличие Хизер. Именно в тот момент, когда Туалет, моя Спасительная гавань, появляется в поле зрения, Хизер выкрикивает мое имя, подбегает ко мне и хватается за руку. Она прямо-таки лопается от Гордости за «Мерриуэзер», вся из себя покрасневшая, возбужденная и счастливая. И она почему-то считает, будто я радуюсь не меньше ее. Мы идем стройными рядами на промывку мозгов, и она буквально не закрывает рта.

Хизер: Это так волнительно – собрание для подъема духа!!! Я сделала парочку лишних помпонов. Вот, возьми. Мы будем выглядеть просто классно, когда по трибунам пойдет волна. Спорим, у новичков больше всего энтузиазма, правда? Ты только представь себе, что должны чувствовать игроки футбольной команды, видя, как вся школа поддерживает их? Это такая жесть. Как думаешь, они сегодня победят? Обязательно победят, я знаю, что победят. Конечно, сезон был не из легких, но мы их расшевелим, ведь правда, Мел?

У меня так и чешется язык, чтобы съязвить, но этим ее точно не проймешь. От меня не убудет, если я схожу на собрание. И теперь есть кто-то, с кем я могу сесть рядом, а это уже очередная ступенька вверх по лестнице социальной адаптации. И что уж такого страшного может быть в этом собрании?

Мне хочется остаться у дверей, но Хизер волочет меня к трибунам, в секцию для новичков. «Я знаю этих парней, – говорит она. – Мы вместе работаем над газетой».

Газета? У нас есть газета?

Она представляет меня компании бледных прыщавых юнцов. Я с трудом узнаю парочку из них; остальные, должно быть, учились в других средних классах. Я приподнимаю уголки рта и при этом не кусаю губы. Уже небольшой прогресс.

Хизер сияет от удовольствия и протягивает мне помпон.

Я расслабляюсь, самую малость. Девочка за моей спиной постукивает меня по плечу длинными черными ногтями. Она слышала, как Хизер меня представляла. «Сордино? – спрашивает она. – Ты Мелинда Сордино?»

Я поворачиваюсь к ней. Она выдувает черный пузырь жвачки и втягивает его обратно. Я киваю. Хизер машет рукой какому-то знакомому десятикласснику на другом конце зала. Девица пихает меня чуть сильнее. «А это не ты, случайно, вызвала копов на вечеринке у Кайла Роджерса в конце лета?»

Нашу секцию на трибунах моментально сковывает льдом. В мою сторону резко поворачиваются все присутствующие; такое чувство, будто сотни папарацци одновременно щелкают камерой. У меня холодеют руки. Я трясусь головой. Еще одна девушка подает голос: «На той вечеринке арестовали моего брата. Его потом уволили. Поверить не могу, что ты это сделала. Идиотка».

Вы ничего не понимаете, говорит голос у меня в голове. Вот только плохо, что она не может это услышать. У меня перехватывает горло, точно гортань сжимают две руки с черными ногтями. Я так старалась забыть каждую секунду той проклятой вечеринки, и вот нате вам – я окружена толпой враждебно настроенных людей, которые ненавидят меня за то, что я просто обязана была сделать. Я не могу рассказать им, что? на самом деле произошло. Более того, я сама боюсь посмотреть правде в глаза. У меня в животе рождается звериный рык.

Хизер тянется погладить мой помпон, но резко отдергивает руку. На минуту мне кажется, что она хочет защитить меня. Но нет, она и не думает. Ведь это нарушит ее План. Я закрываю глаза. Дыши, дыши, дыши. Ничего не говори. Дыши.

В спортзал с воплем вкатывается группа поддержки. Толпа топает ногами и дружно ревет. Я зажимаю уши руками и ору, чтобы дать выход этим звериным звукам и воспоминаниям о той ночи. Никто не слышит. Все слишком воодушевлены.

Оркестр начинает нестройно играть какую-то мелодию, и девчонки из группы поддержки подпрыгивают. Талисман Синих Дьяволов делает сальто назад и

врезается прямо в директора, что вызывает настоящую овацию. Самый Главный улыбается и шутливо отмахивается от нас. С начала учебного года прошло всего шесть недель. У него еще сохранилось чувство юмора.

Наконец наши собственные Дьяволы вваливаются в спортзал. Мальчишки, которых в младших классах оставляли после уроков за драки, теперь за то же самое получают награды. Они называют это футболом. Тренер представляет членов команды. Я не могу отличить одного от другого. Бедолага-тренер держит микрофон слишком близко ко рту, и нам слышно, как он сглатывает слюну и тяжело дышит.

Девочка за моей спиной упирается мне в спину коленками. Они не менее острые, чем ее ногти. Я отодвигаюсь на край сиденья и не отрываясь смотрю на игроков. Девушка, у которой арестовали брата, наклоняется вперед. Хизер увлеченно размахивает помпонами, а девушка тем временем дергает меня за волосы. Я забираюсь чуть ли не на спину сидящего передо мной парня. Он оборачивается и бросает на меня косой взгляд.

В конце концов тренер отдает директору обшлюявленный микрофон, и Самый Главный представляет нас нашим же девчонкам из группы поддержки. Они синхронно разбегаются в стороны, и толпа впадает в неистовство. Жаль, что футболисты играют хуже, чем выступают наши чирлидеры.

Чирлидеры

У нас их двенадцать: Дженни, Джен, Дженна, Эшли, Обри, Эмбер, Колин, Кейтлин, Марси, Доннер, Блитзен и Рейвен. Рейвен – капитан. Самая блондинистая из всех блондинок.

Родители не привили мне религиозности. Для нас Святая Троица – это Visa, Mastercard и American Express. Полагаю, школьные чирлидеры сбивают меня с толку именно потому, что я не ходила в воскресную школу. Это может быть только чудом. Другого объяснения попросту нет. Ведь как иначе получается, что в ночь на воскресенье они спят со всей футбольной командой, а уже в понедельник утром перевоплощаются в весталок? Словно они одновременно существуют в двух Вселенных. Во Вселенной номер один они роскошные, белозубые, длинноногие, супермодные девушки, которым на шестнадцатилетие дарят спортивные машины. Учителя улыбаются им и ставят отличные оценки.

Они знают имена всех, кто работает в школе. Они – Гордость Спартанцев. Ой! Я хотела сказать – Синих Дьяволов.

Во Вселенной номер два они устраивают вечеринки настолько отвязные, что там не скучно даже студентам колледжа. Они млеют от вони «О-де-Джок». Во время весенних каникул они арендуют пляжные домики в Канкуне, а перед выпускным вечером получают групповую скидку на аборт.

Но они такие очаровашки. И они вдохновляют наших мальчиков, подталкивая их к насилию и, как мы надеемся, к победе. Они наши ролевые модели – Девочки, Которые Получают Все. Спорим, ни одна из них ни разу не запнулась, не лопухнулась, не почувствовала, что ее мозги превращаются в желе. У них у всех красивые губы – тщательно обведенные красным карандашом и покрытые блеском.

Когда духоподъемное собрание наконец заканчивается, меня случайно сбивают с ног и я пропахиваю спиной сразу три ряда. Если я когда-нибудь создам собственную группировку, мы будем называться Анти-Чирлидерами. Мы не станем сидеть на трибуне. Мы будем бродить под ними и ненавязчиво нарушать порядок.

Антоним слова «вдохновение» – это... «выдохновение»?

Целую неделю после собрания для подъема духа я писала акварелью деревья, в которые ударила молния. Я пыталась изобразить деревья мертвыми, но не совсем. Мистер Фримен никак не комментирует мое творчество. Он просто поднимает брови. Одна моя картина настолько темная, что на ней практически невозможно разглядеть дерево.

Мы все топчемся на месте. Айви в качестве задания вытянула бумажку «Клоуны». Она говорит мистеру Фримену, что ненавидит клоунов; в детстве ее до смерти напугал клоун, и ей даже пришлось пройти курс психотерапии. Мистер Фримен отвечает, что страх – отличный стимул для творчества. Другая девочка хнычет, что «Мозг» для нее слишком многогранная тема. Она хочет «Котят» или «Радугу».

Мистер Фримен вздымает руки к небесам: «Довольно! А теперь обратите внимание на книжные полки». Мы покорно поворачиваемся и таращимся. Книжки. Это художественный класс. Зачем нам книжки? «Если вы в тупике, то вам стоит потратить немного времени на изучение работ великих мастеров. – Он вытаскивает пачку книг. – Кало, Моне, О’Киф, Поллок, Пикассо, Дали. Они не были по поводу объектов, они доходили до сути каждого из них. Конечно, школьный совет не заставлял их рисовать со связанными за спиной руками, у них были покровители, которые прекрасно понимали, что за такие насущные вещи, как бумага и краски, необходимо платить...»

Из нашей груди вырывается протяжный стон. Опять он садится на своего любимого конька – школьный совет! Школьный совет в очередной раз урезал бюджет на расходные материалы, велел ему обходиться тем, что осталось с прошлогодних занятий. Никаких тебе новых красок, никакой дополнительной бумаги. Теперь он будет разглагольствовать до конца урока, сорок три минуты. Комната теплая, солнечная, с резким запахом красок. Трое учеников спят как убитые, судя по подергиванию век, зычному храпу и тому подобному. Но я бодрствую. Я достаю блокнот и карандаш и начинаю бесцельно рисовать дерево, подобное тому, что нарисовала во втором классе. Бесполезно. Я комкаю листок, скатываю из него шарик и беру следующий. Неужели это так сложно – нарисовать дерево на листке бумаги? Две вертикальные линии – это ствол. Возможно, несколько толстых веток, затем побольше тонких веточек и множество листьев, чтобы скрыть недостатки. Я провожу горизонтальную линию, чтобы обозначить землю, и сажаю маргаритку рядом с деревом. Вряд ли мистер Фримен сочтет мой рисунок слишком эмоциональным. И я с ним соглашусь. А ведь мистер Фримен начинал как очень крутой учитель. Неужели он не собирается помочь нам с этим дурацким заданием, чтобы мы не тыкались носом, точно слепые котята?

Лицедейство

В День Колумба у нас выходной. Я иду в гости к Хизер. Мне хотелось хорошенько выспаться, но Хизер «очень, очень, очень» просила, чтобы я пришла к ней. В любом случае по телику ничего интересного. Мамаша Хизер встречает меня с хорошо разыгранным радушием. Прежде чем мы уходим наверх, она дает нам с собой по кружке горячего шоколада и пытается уговорить Хизер пригласить с ночевкой компанию побольше. «Может быть, Мелли приведет с собой своих друзей». Я решаю не сообщать ей о том, что она сильно рискует. Рейчел непременно перережет мне горло на ее новом ковре. Как хорошая девочка, я

скалю зубы. Мамаша Хизер гладит меня по щечке. Мне гораздо легче улыбаться, когда именно этого от меня и ждут.

Комната Хизер уже готова, и ее можно показывать. Она не похожа на спальню пятиклассницы. Или девятиклассницы. Она похожа на рекламу пылесосов, вся такая сверкающая свежей краской, с полосами от пылесоса на ковре. На сиреневых стенах несколько претенциозных эстампов. В книжном шкафу стеклянные дверцы. У Хизер есть телевизор и телефон; все, что необходимо для домашних заданий, аккуратно разложено на письменном столе. Дверь гардероба слегка приоткрыта. Я распахиваю ее ногой. Одежда Хизер, терпеливо ждущая своего часа на плечиках, тщательно рассортирована: юбки висят вместе, брюки – на отдельных вешалках, джемпера в пластиковых пакетах аккуратно сложены на полках. Комната буквально кричит: «Хизер!» И почему у меня не получается так делать?! Не то чтобы я хотела, чтобы моя комната кричала: «Хизер!» Слишком много чести. Но вот тихий шепот: «Мелинда» – был бы весьма кстати. Я сижу на полу и перебираю компакт-диски. Хизер красит ногти над промокательной бумагой на столе и трещит без остановки. Она решительно настроена пробоваться на роль в мюзикле. Но в клан Музыкантов пробиться практически невозможно. У Хизер нет ни таланта, ни нужных связей. Я говорю, чтобы выкинула это из головы и не тратила время даром. Она считает, что нам обеим стоит попытаться счастья. Похоже, надышалась лаком для волос. Мне остается только кивать или качать головой и повторять: «Я понимаю, о чем ты», когда не понимаю, и «Это так неправильно», когда все очень даже правильно.

Играть в мюзикле мне раз плюнуть. Я отличная актриса. С полным набором улыбок в запасе. Для персонала школы у меня припасен взгляд из-под челки и проникновенная улыбка, на вопрос учителя я отвечаю легким прищуром и едва заметным покачиванием головы. Когда на меня показывают пальцем или шушукаются за спиной, я машу воображаемым друзьям в конце коридора и спешу им навстречу. Если я брошу школу, то вполне смогу стать мимом.

Хизер спрашивает, почему я считаю, будто нам не дадут роли в мюзикле. Я прихлебываю горячий шоколад. Он обжигает нёбо.

Я: Мы пустое место.

Хизер: Как ты можешь так говорить? Почему у всех такое отношение? Я удивляюсь. Если мы хотим участвовать в мюзикле, они должны нам это разрешить. Мы можем просто стоять на сцене или типа того, если их не

устраивает наше пение. Так нечестно. Ненавижу среднюю школу.

Она сбрасывает книги на пол и опрокидывает зеленый лак для ногтей на золотисто-бежевый ковер. «Почему здесь так сложно заводить друзей? Может, дело в местной воде? В своей бывшей школе я могла получить роль в мюзикле, и выпускать газету, и руководить школьной автомойкой. А тут никто даже не знает о моем существовании. Я бьюсь как рыба об лед, но я для всех пустое место, и никому нет до меня дела. И от тебя тоже никакой помощи. От тебя исходит один негатив, ты ничем не интересуешься, а просто бродишь бледной тенью, типа, тебе плевать, что говорят люди».

Она плюхается на кровать и раздражается рыданиями. Громкие всхлипы перемежаются горестными подвываниями, когда она с досады мутузит своего плюшевого медведя. Я не знаю, что делать. Пытаюсь промокнуть лак, но только размазываю его по ковру. Пятно похоже на зеленую водоросль. Хизер вытирает нос клетчатым шарфом медвежонка. Я тихонечко проскальзываю в ванную и возвращаюсь с новой коробкой бумажных салфеток и бутылочкой жидкости для снятия лака.

Хизер: Мелли, прости, ради бога. Как я могла тебе такое наговорить?! Это все месячные, не обращай внимания. Ты была такой милой со мной. Ты единственный человек, кому я могу доверять. – Она громко сморкается и вытирает глаза рукавом. – Вот я смотрю на тебя. Ты совсем как моя мама. Она говорит: «Чем зря слезы лить, лучше разберись со своей жизнью». Я знаю, что мы будем делать. Во-первых, надо придумать, как попасть в правильную группировку. Мы подомнем их под себя. К концу года Музыканты будут умолять нас сыграть в мюзикле.

В жизни не встречала более нереального плана, но я киваю головой, а потом наливаю жидкость для снятия лака на ковер. Пятно становится какого-то ярко-зеленого рвотного цвета с белым ореолом. Когда Хизер видит, что я натворила, она снова начинает рыдать и сквозь всхлипывания твердит, что я не виновата. Мой желудок меня просто убивает. Ее комната не способна вместить столько эмоций. Я ухожу не попрощавшись.

Театр за обедом

Родители издают угрожающие звуки, превращая обед в некий перформанс, где папа косит под Арнольда Шварценеггера, а мама – вылитая Гленн Клоуз в роли психопатки. Я – Жертва.

Мама (со злобной улыбкой): Вот уж не думала, что ты, Мелинда, можешь водить нас за нос! Конечно, такой большой девочке, ученице старших классов, вовсе не обязательно показывать родителям домашнее задание, вовсе не обязательно сообщать родителям о плохих отметках, да?

Папа (стучит кулаком по столу так, что вилки и ножи подпрыгивают): Завязывай с этим дерьмом. Она знает, о чем речь. Сегодня пришли результаты промежуточных тестов. Послушай меня, юная леди. Я больше повторять не буду. Или ты подтянешь успеваемость, или мы будем считать, что ты полное ничтожество. Ты меня слышишь? Подтяни успеваемость! (Он набрасывается на печеный картофель.)

Мама (недовольная, что ее отодвинули на задний план): Я это улажу, Мелинда. (Она улыбается, публика содрогается.) Мы ведь не требуем многого. Мы только хотим, чтобы ты показала все, на что способна. А мы знаем, что ты способна на большее. Дорогая, ты ведь так хорошо справлялась с тестами. И смотри на меня, когда я с тобой говорю!

Жертва смешивает творог и яблочный соус. Папа фыркает, как бык. Мама хватается нож.

Мама: Я сказала, смотри на меня!

Жертва смешивает горох, творог и яблочный соус. Папа перестает есть.

Мама: Сейчас же посмотри на меня.

Это Голос Смерти, Голос, который говорит о том, что она не шутит. В детстве при звуках этого Голоса я писала в штаны. Но теперь меня так легко не проймешь. Я смотрю маме прямо в глаза, споласкиваю тарелку и удаляюсь в свою комнату. Лишившись Жертвы, мама и папа орут друг на друга. Я включаю музыку, чтобы заглушить шум.

Голубые розы

После вчерашнего разноса я пытаюсь уделить внимание биологии. Мы проходим клетки, состоящие из всяких там мельчайших частиц, которые можно рассмотреть только под микроскопом. Мы пользуемся настоящими микроскопами, а не пластиковой распродажной дрянью из «Кей-марта». Что уже неплохо.

Наша учительница – мисс Кин. Мне даже немного жаль ее. Она могла бы стать известным ученым, или доктором, или типа того. Вместо этого она застряла в школе. Передняя часть ее кабинета заставлена деревянными ящиками, она залезает на них, когда обращается к классу. Если бы в свое время она ела поменьше пончиков, то сейчас была бы похожа на игрушечную бабушку-старушку. Но нет, у нее студенистая фигура, обычно затянутая в оранжевый полиэстер. Она сторонится баскетболистов. С высоты их роста она кажется баскетбольным мячом.

У меня есть напарник по лабораторным работам, Дэвид Петракис. Входит в клан Кибергениев. Когда он снимет брекеты, то, возможно, станет очень даже ничего. Он такой умный, что заставляет учителей нервничать. Вы, наверное, думаете, что такого парнишку постоянно бьют, но плохие ребята его почему-то не трогают. Надо бы разузнать его секрет. В основном Дэвид не обращает на меня внимания, если не считать того случая, когда я чуть было не сломала микроскоп стоимостью 300 долларов, повернув ручку в обратную сторону. В тот день мисс Кин вырядилась в пурпурное платье с ярко-голубыми розами. Уму непостижимо. Нет, учителям определенно следует запретить так резко меняться без сигнала раннего оповещения. Учеников это просто выбило из колеи. Платье мисс Кин еще долго потом было темой для обсуждений. С тех пор она его больше не надевала.

Ученик, поделенный на смущение, равняется алгебре

Я проскальзываю за свой стол за десять минут до окончания урока алгебры. Мистер Стетман придирчиво изучает мое разрешение на опоздание. Я достаю чистый листок бумаги, чтобы списать с доски задачи. На алгебре я сижу в заднем ряду, откуда мне прекрасно видна вся комната, а также школьная парковка. Я примеряю на себя роль системы аварийной сигнализации класса. Планирую тренировки поведения в условиях чрезвычайной ситуации. Как будет

проходить эвакуация в случае взрыва в химической лаборатории? А что, если в центральной части штата Нью-Йорк произойдет землетрясение? Или торнадо?

Совершенно невозможно сосредоточиться на алгебре. И не то чтобы я не рубила в математике. В прошлом году я прошла тесты в числе лучших – именно благодаря этому я раскрутила папу на новый велосипед. Математика – это совсем просто, потому что здесь нет места для сомнений. Ответ или верный, или неверный. Дайте мне листок с математическими задачками, и я решу правильно 98 процентов из них.

А вот алгебра не укладывается у меня в голове. Я знала, почему мне надо было запомнить таблицу умножения. Понимание простых и десятичных дробей, и процентного отношения, и даже геометрии – все это имеет практическое значение. Инструменты, которые я могу использовать. Все было настолько разумно, что я никогда особо не задумывалась. Просто делала дело. Входила в список отличников.

Но алгебра? Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь не поинтересовался у мистера Стетмана, зачем нам учить алгебру. Сразу видно, что такие вопросы для него как нож острый. Мистер Стетман любит алгебру. Он поэт алгебры, если мыслить категориями целых чисел. Он говорит об алгебре так, как некоторые парни говорят о своих машинах. Спросите его, почему именно алгебра, и он расскажет вам тысячу и одну историю о том, почему именно алгебра. Причем все до единой абсолютно бессмысленные.

Мистер Стетман спрашивает, может ли кто-нибудь объяснить роль какого-то там хреночлена в теореме об отрицательной сучности. У Хизер есть ответ. Ответ неверный. Стетман делает вторую попытку. Я? Я с грустной улыбкой качаю головой. Не сейчас. Может, лет через двадцать. Он вызывает меня к доске.

Мистер Стетман: Кто хочет помочь Мелинде найти решение этой задачи. Рейчел? Отлично.

У меня в голове происходит взрыв такой силы, будто это грохочут выезжающие из депо пожарные машины. Конец света. Рейчел/Рашель, одетая в вызывающий костюм в голландско-скандинавском стиле, плетется к доске. Рашель выглядит весьма привлекательно и одновременно утонченно. Ее глаза, как красный лазер, прожигают мой мозг. На мне обычные отстойные шмотки: вонючая серая

водолазка и джинсы. И я только сейчас понимаю, что забыла помыть голову.

Рот Рашель приходит в движение, ее рука скользит по доске, выводя забавные кривые и цифры. Я втягиваю нижнюю губу, прикусив ее верхними зубами. Если очень постараться, можно проглотить себя целиком. Мистер Стетман что-то бубнит, и Рашель хлопает глазами. Она пихает меня локтем. Кажется, нам надо сесть на место. Под хихиканье класса мы идем назад. Похоже, я плохо старалась себя проглотить.

Мой мозг отказывается заниматься алгеброй. Есть гораздо более приятные вещи для размышления. Мистер Стетман вроде бы хороший парень.

Хеллоуин

Мои родители заявляют, что я уже слишком большая ходить по домам и требовать угощения. Очень кстати. Теперь я избавлена от необходимости признаваться, что меня никто не пригласил принять участие в этих забавах. Но дабы сохранить лицо, я топаю в свою комнату и хлопаю дверью. Я выглядываю из окна. По дорожке идет компания малышей. Пират, динозавр, две феи и невеста. Почему на Хеллоуин никогда не встретишь ребенка в наряде жениха? Их родители болтают на обочине. Ночь – опасное время суток, присутствие родителей обязательно: огромные призраки в хаки и пуховых куртках плывут по воздуху за спиной у ребятишек.

Звонок в дверь. Родители спорят, кому идти открывать. Потом мама чертыхается и открывает дверь с пронзительным: «Ух ты, кто там у нас здесь?!» Похоже, она дала малышам только по одной крошечной шоколадке – их «спасибо» звучит как-то вяло. Ребятишки срезают путь через двор к соседнему дому, родители идут за ними по улице.

В прошлом году наш клан вырядился ведьмами. Сперва мы отправились домой к Айви, потому что у ее старшей сестры имелся театральный грим. Мы выбрали наряды и напялили дешевые черные парики. Лучше всех выглядели мы с Рейчел. На деньги, заработанные бэбиситтингом, мы взяли напрокат черные шелковые накидки с красной отделкой. Мы были на седьмом небе от счастья. Вечер оказался неожиданно теплым, расслабляющим. Нам удалось обойтись без теплого белья, и небо было почти ясное. Затем ветер нагнал облака, время от времени наплывавшие на полную луну, которая словно специально висела над

головой, чтобы мы могли почувствовать себя сильными и всемогущими. Мы бежали сквозь ночь, клан великолепных ведьм. На секунду мне даже показалось, что мы можем накладывать заклятия, превращая людей в лягушек или кроликов, наказывать зло и вознаграждать добро. Под конец у нас была целая куча сладостей. Когда родители Айви легли спать, мы зажгли свечу в темном доме. В полночь поставили ее перед старинным зеркалом, чтобы загадать свое будущее. В этом году Рашель собирается на вечеринку, которую устраивает семья, принимающая одну из иностранных учениц. Я слышала, как Рашель говорила об этом на уроке алгебры. Я знаю, что не получу приглашения. С моей-то репутацией мне вряд ли удастся получить приглашение даже на собственные похороны. Хизер сопровождает соседских малышей, чтобы дать возможность их матерям остаться дома.

Я успела подготовиться. Я не собираюсь хандрить в своей комнате и слушать, как ссорятся родители. Я взяла в библиотеке книжку «Дракула». Автор Брэм Стокер. Крутое имя. Я устраиваюсь в своем гнезде с пакетом жевательных конфет и монстром-кровопийцей.

Имя имя имя

В приступе постхеллоуиновского безумия школьный совет решительно выступил против названия «Дьяволы». Теперь мы «Тигры Мерриуэзера». Дружный рев.

Экологический клуб планирует устроить ралли в знак протеста против «исчезновения редких видов». Все в школе только об этом и говорят. Особенно на уроках. У мистера Шеи стероидное бешенство, он вопит что-то насчет Мотивации, и Идентичности, и священного Школьного духа. Таким темпами мы даже до промышленной революции вряд ли доберемся.

На уроке испанского я в очередной раз вляпалась. В переводе с испанского «Линда» означает «красивая». Клевая шутка. Миссис Учительница Испанского называет мое имя. Кто-то из остряков-самоучек хрипит: «Нет, Мелинда не есть линда». До конца урока все называют меня Ме-Не-Линда. Вот из-за таких невинных шуток и становятся террористами. Интересно, может, еще не поздно перевестись в класс немецкого?

Мне только что пришла в голову отличная теория, которая все объясняет. На той вечеринке меня похитили пришельцы. Они создали поддельную Землю и

поддельную среднюю школу, чтобы изучить меня и мои реакции. Этим прекрасно объясняется меню в школьной столовой. Но только не все остальное. У пришельцев извращенное чувство юмора.

Марты

Хизер нашла подходящую группировку – Марты. Ее приняли с испытательным сроком. Уж не знаю, как ей удалось. Подозреваю, просто подмазала кого-то. Это часть ее стратегии отвоевания места под солнцем в нашей школе. Похоже, мне придется таскаться вместе с ней. Но Марты!

Входить в их клан – удовольствие не из дешевых; прикид должен быть единообразным, сдержанным и по сезону. Осенью они предпочитают носить джемпера фруктовых цветов, типа абрикосового или спелого яблока. Зимой это пестрые свитера, полосатые шерстяные брюки и рождественские украшения в волосах. Хизер еще не сообщили, что купить к весеннему сезону. Скорее всего, понадобятся юбки с гусями и белые блузки с вышитыми по вороту уточками.

Я советую Хизер чуть-чуть изменить стиль в сторону ретро, а именно 1950-х, ну, вы понимаете, этакая невинность и яблочный пирог. Она не уверена, что лидеры клана – Мег-и-Эмили-и-Шивон – понимают иронию. Уж больно они любят жить по правилам.

Марты всегда готовы прийти на помощь. Название их клана произошло от имени какого-то библейского персонажа (самый первый лидер клана Март стала миссионером в Лос-Анджелесе). Но теперь они следуют за Другой Мартой, Святой Мартой Клеевого Пистолета, дамой, что пишет книжки о том, как нарядно украсить дом. Очень по-коннектикутски, очень по-снобистски. Марты энергично берутся за разные проекты и делают добрые дела. Идеальная работа для Хизер. Она говорит, они управляют доставкой консервированных продуктов, опекают детишек из городских школ, устраивают благотворительные пешие марафоны, танцевальные марафоны, а также марафоны на креслах-качалках для сбора денег, уж не знаю на что. Они также стараются Сделать Приятное учителям. Вот приколы.

Первое задание Хизер по линии Март – украсить учительскую комнату отдыха для собрания в честь Дня благодарения. Она припирает меня к стенке после урока испанского и умоляет помочь. Ей кажется, будто Марты специально дали

ей по определению невыполнимое задание, чтобы потом вышибить из клана. Меня всегда занимало, как выглядит учительская комната отдыха. О ней ходит столько слухов. Интересно, а там есть койка для учителей, которые хотят немного покемарить? А экономные коробки бумажных салфеток на случай нервных срывов? Удобные кожаные кресла и обслуживающий персонал? А как насчет секретных досье на каждого ученика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/lori-hals-anderson/govori-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Ложный шаг (фр.). – Здесь и далее прим. перев.

Купити: <https://telnovel.me/lori-anderson/govori-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)